

Гоминдан

Она осталась дома одна. За окнами по-осеннему темно. Сухо и холодно. Ветер. Откуда-то нарастает шум. Равномерно что-то приближается. Зажечь свет? Страшно. Кажется, что из окон кто-то смотрит. Одновременно с шумом попадает яркий свет. Свет тоже нарастает и раздавливает. Потом неожиданно пропадает. Но тут до слуха доходит лязг и шум.

Постепенно звуки стихают. Напряжение спадает, но не совсем.

Опять волна скрежещущего нарастающего шума. Снова в окна бьют волны яркого света!

Куда бежать? Она залезла за печку. Голову спрятала под фуфайку.

Придя из кино, родители долго искали девочку.

– Вера! Нельзя её оставлять одну!

– Чего ты испугалась?

– Там был «гоминдан».

Когда родители взяли её однажды в кино, она запомнила одно слово: «Гоминдан». С экрана напозали танки. Теперь-то она знает, что с горы ехали грузовики «захарки»! Видит из окна поезда, снующие в обе стороны, а тогда это был один сплошной «гоминдан». Отец, прошедший войну, хорошо понял ребёнка. Как знать, может, этот страх ребёнок получил с генами. И становится понятным, как современные заграничные фильмы ужасов делают из детей просто ненормальных.

Свёрточек

Сынишка лет четырёх кушал с отцом в гарнизонной столовой. Отец съел всё, а малыш ковырялся в тарелке. Одежда висела тут же на стульчике. Была зима. Мама в соседнем здании родила сестрёнку. Им с папой показали какой-то свёрточек через окошко.

Было совсем непонятно, как скоро можно с этим свёрточком играть как с сестрой.

– Ну вот, деньги заплатили, а ты не съел, – сказал отец, одевая сынишку.

Вдруг парень снял не застёгнутое ещё пальтишко, вернулся, сел за стол и съел весь обед. Невольные зрители этого спектакля долго думали, почему он вернулся. Но ведь обед и деньги – это просто. Деньги полагаются платить, а обед существует для того, чтобы его съесть, не то, что свёрточек, называемый сестрёнкой, с которым непонятно, как играть. Ещё непонятно, как это папа «пришвартован на неделю к берегу». Так сказал дядя Вова, когда им показывали сестрёнку...

Тарзан

Она прыгала вместе со всеми с ветхого сарая. В проулке пасся поросёнок. Взобравшись к нему на спину и ухвативши его за уши, девочка понеслась по проулку.

– Ой, мама, мама! Это же наша Люська! Ловите, ловите его!

Колени содраны. Сочится сукровица. Бабушка Мария несёт на руках «раненую» Люську.

Мама Вера берёт в руки отцовский ремень. А тётке Ольге, на кого похожа Люська своими кудряшками, невдомёк, что это ведь не племянница, а Тарзан! Именно Ольга со своим ухажёром взяли её в кино.

После, шагая с бабой Маней по рынку,

Люська углядела знакомую картинку. Здесь продавали всё: намалёванных лебедей, самодельные конфетки-петушки... Но девочка увидела картиночку, серенькую, мутную.

– Бабушка! Тарзан! Тарзан!

Продавец недоумённо вылупил на эту сцену.

Баба Маня, понимая никудышное качество фото, не могла взять в толк, за что платить половину выручки за проданные лук и морковь! Но делать нечего. Ребёнок больше ничего не просит!

И только став взрослой, Люська поняла, откуда «ноги растут» у прыжков с сарая и езды на поросёнке. Всё это – «его величество» кино!